

ГОСИННИ

САМПЕ

СЮРПРИЗЫ МАЛЫША НИКОЛЯ

 Machaon

Малыш Николя

Рене Госинни

Сюрпризы малыша Николя

«Азбука-Аттикус»

2004

УДК 821.133.1-32-93
ББК 84(4Фра)-44

Госинни Р.

Сюрпризы малыша Николя / Р. Госинни — «Азбука-Аттикус»,
2004 — (Малыш Николя)

ISBN 978-5-389-13731-8

Новые истории из жизни маленького французского школьника Николя и его друзей. Эта шумная ватага сорванцов никогда не скучает – гоняет в футбол, ходит в зоопарк, кино и цирк, путешествует, случается, дерётся и ссорится, но потом непременно мирится. В общем, эти озорники весело проводят время!

УДК 821.133.1-32-93
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-13731-8

© Госинни Р., 2004
© Азбука-Аттикус, 2004

Содержание

Шоколадно-клубничное мороженое	6
Грейпфрут	11
Как мы ходили в ресторан	17
Сюрприз!	21
Зоопарк	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Рене Госинни

Сюрпризы малыша Николя

© 2004 IMAV éditions / Goscinny – Sempé.

Художественные образы, сюжеты придуманы Рене Госинни и Жан-Жаком Сампе. Права на товарный знак сохранены за издательством IMAV.

© Левин В. Л., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Machaon®

* * *

Жильберту Госинни

Шоколадно-клубничное мороженое

– Мам, можно я завтра приглашу ребят из школы поиграть у нас дома? – спросил я.

– Нет, – ответила мама. – Последний раз, когда они приходили, пришлось менять два стекла в гостиной и красить твою комнату.

Я расстроился. Нет, ну правда, это же весело, если ребята приходят ко мне поиграть, а я никогда не могу их позвать. Всегда одна история: только я хочу развлечься, как мне сразу запрещают. И я сказал:

– Раз мне нельзя позвать друзей, я перестану дышать.

Это хитрость, я иногда так делаю, если хочу чего-нибудь, но, когда я был маленьким, это получалось лучше. Тут пришёл папа и сказал:

– Николя! Что это за спектакль?

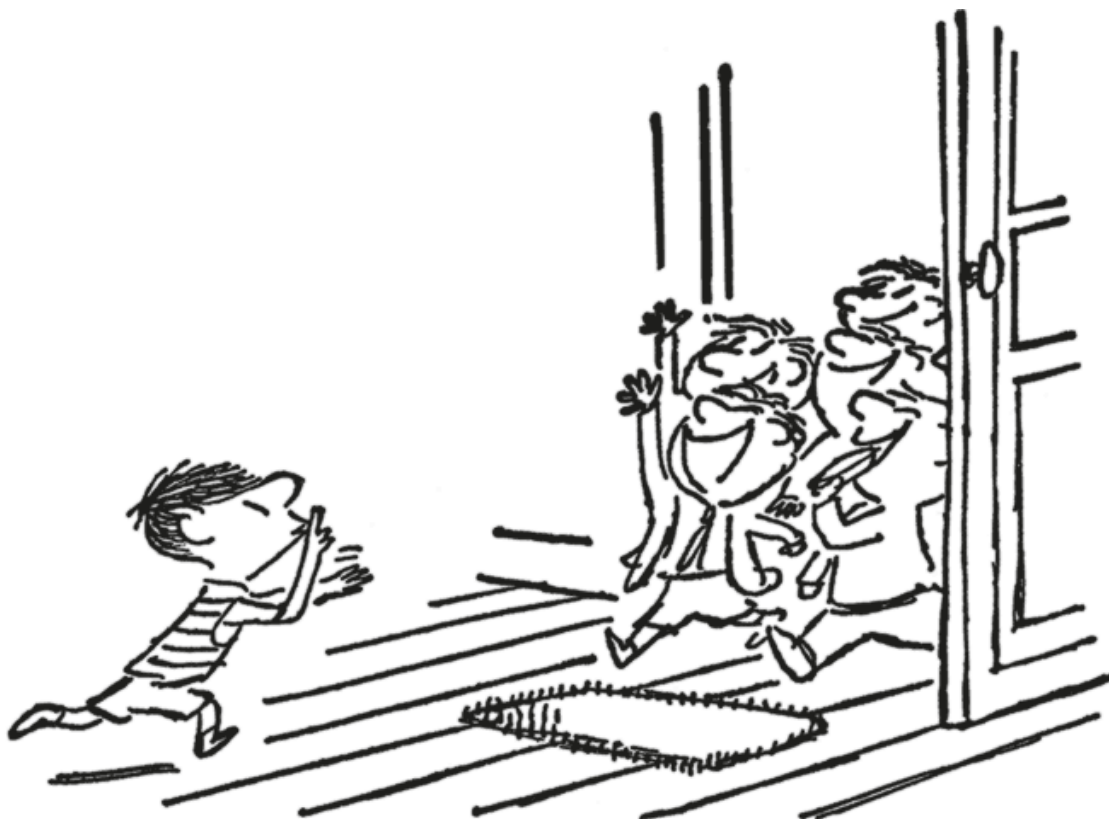
Тогда я снова стал дышать и сказал, что раз мне не разрешают позвать своих друзей, то я уйду из дома и они обо мне пожалеют.

– Отлично, – сказал папа. – Можешь пригласить своих друзей. Но предупреждаю, Николя: если они хоть что-нибудь в доме разобьют или сломают, ты будешь наказан. А если всёйдёт хорошо, мы с тобой сходим поедем мороженое. Договорились?

– Шоколадно-клубничное? – спросил я.

– Да, – ответил папа.

– Договорились! – закричал я.

Мама была не очень довольна, но папа сказал ей, что я большой мальчик и умею отвечать за свои поступки, и тогда мама сказала, что хорошо, пусть будет так, но она предупредила папу, и я поцеловал папу и маму, потому что они классные. Пришли все ребята. Они всегда приходят, когда я их зову, а не приходят, только если их папы и мамы запрещают, но это бывает редко, потому что папы и мамы любят, когда их детей куда-нибудь приглашают. Я позвал Альцеста, Жоффруа, Руфюса, Эда, Мексана, Клотера и Жоакима – в общем, всех школьных друзей, чтобы хорошенько повеселиться.

– Будем играть в саду, – сказал я им. – В дом заходить не надо, потому что если вы зайдёте, то обязательно что-нибудь разобьёте.

И я рассказал им про шоколадно-клубничное мороженое.

– Ладно, – сказал Жоффруа, – давайте играть в прятки, у тебя в саду ведь есть дерево.

– Нет, – сказал я, – дерево растёт на траве, а папа рассердится, если мы будем ходить по траве. Надо играть на дорожках.

– Так у вас только одна дорожка, да и та не слишком длинная. Во что можно играть на одной дорожке?

– В мяч, если встать потеснее, – сказал Мексан.

– Ну нет, – сказал я, – знаю я эти штуки: играем в мяч, дурачимся и – бац! – стекло разбито, меня наказывают, и не видать мне шоколадно-клубничного мороженого.

Мы стояли и не знали, во что бы нам поиграть, и тогда я сказал:

– А давайте в поезд! Встаём друг за другом, первый будет локомотивом – ту-у-у! – а остальные – вагонами.

– А как мы будем поворачивать? – спросил Жоаким. – Дорожка-то не такая уж и широкая.

– Мы не будем поворачивать, – сказал я. – Когда доедем до конца дорожки, последний станет локомотивом, и мы просто поедem в обратную сторону.

Похоже, ребятам моя игра не очень-то понравилась, но, в конце концов, они же в гостях у меня, и если им не нравится, то пусть уходят! Я направил локомотив сбоку от дома, чтобы

не помять цветы. Мы ходили и говорили: «Чух, чух, чух, чух!» – но через три поездки ребятам надоело играть. В общем, игра была не слишком интересной. Если ты локомотив, это ещё ничего, но если вагон – немножко скучно.

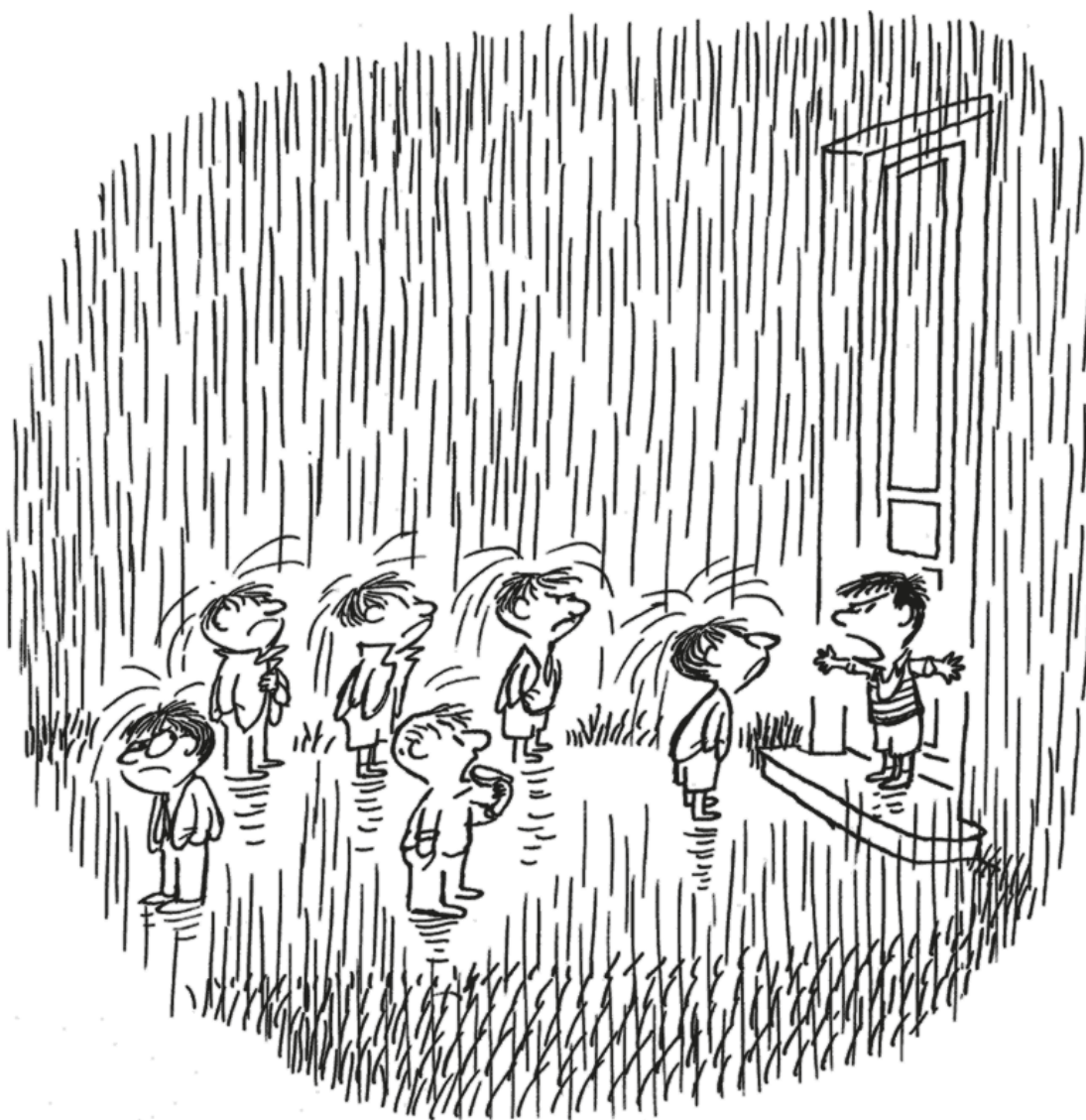
– Может, поиграем в шары? – сказал Эд. – Тогда мы ничего не разобьём.

Это правда была отличная идея, и мы сразу начали играть, потому что у всех в карманах были шары, а у Альцеста они были в масле из-за бутербродов. Всё шло отлично, только я чуть не подрался с Жоффруа, потому что он сел на траву, но тут ребята сказали, что хотели бы пойти в дом.

– Нет, – сказал я. – Будем играть в саду.

– Нам надоело играть в саду, – сказал Мексан, – нам хочется пойти к тебе в дом!

– Не за чем, – сказал я. – Остаёмся в саду.

Но тут мама открыла дверь и крикнула:

– Дети, вы с ума не сошли? Такой ливень, а вы торчите на улице! Быстро в дом!

Мы вошли в дом, и мама сказала:

– Николя, поднимайся с друзьями в свою комнату и помни, что тебе сказал папа!

И мы пошли ко мне в комнату.

– Ну а теперь во что будем играть? – спросил Клотер.

– У меня есть книги, давайте читать, – сказал я.

– Ты сбрендил? – спросил Жоффруа.

– Нет, – ответил я, – но если мы будем играть во что-нибудь другое, я наверняка останусь без шоладно-клубничного мороженого!

– Ты уже достал со своим шоладным и клубничным мороженым! – закричал Эд.

– Минутку, – сказал Альцест, откусывая от бутерброда, который он перед этим отлепил от шара. – Минутку! Шоладно-клубничное мороженое – вещь серьёзная, с этим шутить нельзя. Николя прав.

– А ты неправ! – закричал я. – Ты крошишь на ковёр! Мама будет ругаться!

– Это уже слишком! – закричал Альцест. – Вот доем бутерброд и дам тебе по морде!

– Ну вы даёте! – сказал Эд.

– А ты что вмешиваешься? – спросил я Эда.

– Ну вы даёте! – сказал Жоффруа.

Но я вдруг понял, чем всё кончится: мы начнём драться, бутерброд Альцеста упадёт на ковёр маслом вниз, потом кто-нибудь чем-нибудь кинется и разобьёт стекло или посадит пятно на стене, прибежит мама, и не видать мне шоколадно-клубничного мороженого.

– Ребята, – сказал я, – будьте людьми. Если вы не натворите глупостей, то всякий раз, когда у меня будут деньги, я буду после школы покупать шоколадку и делиться со всеми вами.

Друзья у меня классные, они сразу согласились. Мы сели на пол и стали смотреть картинки в книжках, и тут Мексан закричал:

– Ура! Дождь кончился! Можно уходить!

Они все встали и закричали:

– Пока, Николя!

Я пошёл провожать их до двери и следил, чтобы они аккуратно шли по дорожке к выходу. Но всё было в порядке, ребята ничего не вытоптали, и я был очень рад.

Я был так доволен, что побежал на кухню сказать маме, что друзья ушли. Но я не закрыл входную дверь, и от сквозняка захлопнулось кухонное окно. Бац!

И стекло в окне разбилось.

Грейпфрут

Мама сказала папе:

– Дорогой, не забудь, что ты обещал сегодня покрасить кухню.

– Здорово! – сказал я. – Я буду помогать!

Папа был не так доволен. Он посмотрел на маму, посмотрел на меня и сказал:

– Вообще-то я собирался после обеда сходить с Николя в кино, там фильм про ковбоев и какие-то мультики.

Я сказал, что предпочёл бы красить кухню, и мама поцеловала меня и сказала, что я её славный малыш. Папа очень гордился мной, потому что он сказал:

– Отлично, Николя! Я тебе этого не забуду.

Папа пошёл в подвал за краской, кистями и валиком и принёс всё это на кухню, где мы с мамой ждали его.

– Я тут вот что подумал, – сказал папа, – у нас нет стремянки. Красить очень неудобно. Надо будет её купить на неделе, и в следующее воскресенье я покрашу нашу дорогую кухню.

– Нет, – сказал я, – я попрошу стремянку у месье Бледур.

Мама снова поцеловала меня, а папа стал открывать банки с краской и что-то говорить, только я не расслышал что, так как он говорил очень тихо.

Месье Бледур – это наш сосед. Он очень славный и любит поддразнивать папу, они оба веселятся, даже когда на вид сердятся, как в тот раз, когда они не разговаривали целую зиму. Я позвонил в дверь, и месье Бледур открыл.

– Да это Николя! – сказал он. – Что вы хотели, молодой человек?

– Одолжите, пожалуйста, вашу стремянку. Это для папы, – сказал я.

– А почему бы ему не купить свою? – спросил месье Бледур.

Я рассказал ему, что папа именно так и хотел сделать, но мама настаивает, чтобы наша кухня была покрашена прямо сегодня.

Месье Бледур очень смеялся, а потом сказал:

– Ты хороший мальчик, Николя. Пойди скажи своему папе, что я сейчас принесу стремянку.

Он такой классный, месье Бледур!

Папа, когда я сказал, что месье Бледур придёт со стремянкой, посмотрел на меня как-то странно: глаза у него совсем не двигались; а потом он стал смешивать краски в мисках так быстро, что даже забрызгал свои брюки, но они старые, полосатые, с дырками, так что это ничего.

– Ну вот, – сказал месье Бледур, входя со стремянкой, – теперь ты можешь сегодня же закончить работу, которую без меня пришлось бы отложить на потом!

– Ничего другого, Бледур, я от тебя не ожидал, – сказал папа.

Мне страшно хотелось залезть на стремянку, и я спросил папу, можно ли мне помочь? Но папа сказал, чтобы я стоял спокойно, что потом посмотрим, и полез на стремянку.

Забравшись на самый верх, папа обернулся и посмотрел на месье Бледура, который сидел на табуретке.

– Спасибо, Бледур, и до свидания, – сказал папа.

– Не за что, и я ещё посижу, – сказал месье Бледур. – Мне хочется полюбоваться своей стремянкой, она ещё никогда не выглядела так смешно, как сейчас.

Мне не показалось, что стремянка была такой уж смешной. Папа стал возить валиком по потолку, и на его лицо падали капли.

Месье Бледур сидел страшно довольный, а я так и не понимал, что такого забавного было в его стремянке. Папа, наверное, тоже удивился, потому что он остановился и спросил:

– Что это ты так по-дурацки смеёшься, Бледур?

– Посмотри на себя в зеркало, и поймёшь, – сказал месье Бледур. – Ты как индеец – великий вождь Жалкий Бык в боевой раскраске!

И месье Бледур стал хохотать – хо! хо! хо! – и хлопать себя по коленкам, а потом стал красным, поперхнулся и закашлял. Он такой весёлый, месье Бледур!

– Чем орать всякую чушь, – сказал папа, – лучше бы помог.

- С какой стати? – сказал месье Бледур. – Это твоя кухня, а не моя.
- Раз это наша кухня, – сказал я, – можно я помогу?
- Ты сегодня уже достаточно помог, – сказал папа.

Я заплакал и сказал, что имею право помогать, что это нечестно и что, если бы не я, никто бы сегодня не смог покрасить эту кухню.

– Ты сейчас получишь по шее, – сказал папа.

– Отличная система воспитания, – сказал месье Бледур.

Но я так не думал и стал плакать ещё сильнее, а папа закричал, что месье Бледуру тоже даст по шее, и мне стало смешно.

Мама прибежала на кухню.

– Что тут происходит? – спросила она.

– Папа не хочет, чтобы я ему помогал, – объяснил я.

– У вашего домашнего Леонардо да Винчи¹ муки творчества, – сказал месье Бледур. – С великими художниками так часто бывает.

¹ Леонардо да Винчи (1452–1519) – знаменитый итальянский художник и скульптор, учёный, поэт и музыкант.

Я ничего не понял и спросил маму, можно ли мне помогать. Мама поглядела на папу и на месье Бледура и сказала:

– Ну конечно, Николя, ты можешь поддержать стремянку, чтобы папа не упал, а если папа и месье Бледур начнут веселиться, позови меня, чтобы я тоже посмеялась.

Я обещал позвать её, и мама ушла.

Лестницу я держал крепко, и потолок красился быстро; жёлтая краска, которую мама велела папе купить, выглядела классно.

– Да, хорошо иногда так посмеяться, – сказал месье Бледур. – Жалко, что тебе надо покрасить только кухню.

– Слушай, клоун, ты начинаешь действовать мне на нервы, – сказал папа. – Ты ведь с самого начала знаешь, что тебя ждёт, верно? Этот валик сейчас пройдёт по твоей роже.

– Хотелось бы посмотреть! – сказал месье Бледур.

Мне тоже хотелось посмотреть, но я обещал маме предупредить, когда папа и месье Бледур начнут дурачиться. Я отпустил стремянку – на ней всё равно уже никого не было – и вышел с кухни, крича:

– Не начинайте без меня! Я сейчас вернусь!

Мама стояла у входа с мадам Бледур, которая только что пришла, и мне не пришлось ничего объяснять, потому что с кухни раздался страшный шум. Мы пошли туда, но опоздали, потому что, когда открыли дверь, у месье Бледура лицо и рубашка спереди были жёлтыми.

Маме это совсем не понравилось, но мадам Бледур посмотрела на месье Бледура и спросила маму:

– Что это за цвет?

– Грейпфрут, – ответила мама.

– Очень свежий цвет, очень юный, – сказала мадам Бледур.

– И на солнце не выцветает, – сказала мама.

И мадам Бледур решила, что в следующее воскресенье месье Бледур покрасит их кухню. Мы с папой обещали, что придём помогать.

Как мы ходили в ресторан

– Я поведу вас в ресторан! – сказал папа, входя в дом после работы.

Папа был очень довольный, он обнял маму и сказал, что босс подписал его повышение, а потом подбросил меня в воздух, громко поцеловал в обе щёки и сказал мне:

– Ух ты, мой большой мальчик, хо-хо!

Да, папа и правда был очень доволен.

Я тоже был доволен, потому что люблю ходить в ресторан, но хожу редко, а ещё потому, что папин босс теперь каждый месяц будет давать папе больше денег, и папа, может быть, купит мне самолёт, который мне так нужен.

Мы с мамой очень быстро собрались и сразу вышли из дома. В машине папа пел, а мама говорила, что гордится им, а надо сказать, что мой папа поёт не очень хорошо, но мы его очень любим.

Мы вошли в классный ресторан, и официант, одетый во всё чёрное, провёл нас к столу и принёс меню, а ещё подушку на мой стул. Папа передал мне меню и сказал, что я мужчина и

должен сам выбирать еду, а мама сказала, что попробовала бы того, что сама дома не готовит, и папа сказал, что не надо обращать внимание на цены.

Официант пришёл с блокнотиком и спросил, что мы будем заказывать. Я сказал, что хотел бы клубничное мороженое.

– А что для начала? – спросил официант.

– «Персик Мельба», – ответил я.

Официант записал, а папа засмеялся и сказал, что это не надо записывать, ведь ясно, что я буду есть что-то другое. Официант ответил, что не его дело раздумывать над выбором клиентов, это его никак не касается. Я сказал папе, что я мужчина, что он сам мне это сказал и что я хочу десерт «Персик Мельба». Папа сделал сердитые глаза и сказал, что я буду есть свиную отбивную со шпинатом, но я сказал, что шпинат не хочу, а папа сказал, что я ещё маленький и буду есть то, что он выберет, а мама спросила официанта, что это за деликатес такой – золотые палочки, а когда она узнала, что это бифштекс с картошкой фри, то сказала, что возьмёт что-нибудь другое, и официант сказал, что вернётся, когда мы выберем, а ему есть чем заняться.

Папа сказал маме, что он не слишком хорошо вышколен, этот официант, но что надо на чём-то остановиться. Я сказал, что не хочу шпината и лучше я уйду из дома, а когда меня не будет, они обо мне будут жалеть, и заплакал, а мама сказала, что сама выберет для меня то, что я люблю. В конце концов мама решила взять соланум в пикантном соусе и рябчика на бархате; я согласился на яйцо с майонезом и сосиски с картофелем фри, а папа выбрал паштет от шефа и кровяную колбасу. Папа позвал официанта, который всё записал в своём блокнотике. Официант несколько раз ошибался и каждый раз начинал писать на новой страничке, а когда он всё записал, я спросил, нельзя ли принести вместо картошки кислой капусты, и официант был не слишком доволен.

Пока мы ждали, когда принесут еду, я глядел на другие столики, и там был один толстый мужчина, который явно ел что-то вкусное.

– А что ест вон тот мужчина? – спросил я папу.

Папа сказал, что не надо показывать пальцем, и обернулся.

– Да нет, – сказала мама, – не тот, а вон тот! – и показала на мужчину, про которого я спрашивал.

Папа посмотрел на него, и мужчина закричал:

– Я ем анчоусы и хочу есть их спокойно! Что за манеры, господа!

Папа ответил ему, что не желает выслушивать его замечания и что ему бы бром пить, а не анчоусами лакомиться, и я спросил:

– А бром вкусный?

Мужчина поглядел на меня, пожал плечами и снова стал есть анчоусы. Мама сказала нам с папой, чтобы мы вели себя спокойней, а я сказал, что хотел бы попробовать анчоусы.

Когда официант принёс закуски, мама была разочарована, потому что соланум в пикантном соусе оказался салатом из помидоров. Так как мне захотелось анчоусов, папа спросил официанта, может ли он сделать вместо яйца под майонезом анчоусы, и официант сказал – да! Я решил, что это здорово, и захотел посмотреть, как он будет делать этот фокус. Но, к сожалению, фокус делали на кухне.

Когда официант принёс анчоусы, я спросил его, умеет ли он ещё и вынимать кролика из шляпы. Папа, который что-то искал в паштете от шефа, поднял голову и спросил официанта, есть ли у них кролик. У официанта был растерянный вид; он ответил – да, и папа попросил у него кролика вместо кровяной колбасы, а я сказал: только пусть будет не как с анчоусами, пусть он достанет кролика из шляпы прямо здесь, а не на кухне. Мама сказала, чтобы я не говорил с набитым ртом.

Когда официант вернулся с блюдами, он явно нервничал. Мама была недовольна; она сказала, что её рябчик на бархате – просто курица с пюре, а папа сказал, что не заказывал кислой капусты, а просил заменить кровяную колбасу кроликом и что кислую капусту просил я, но что он, папа, сказал, что мне лучше взять жареную картошку и что он лишь слегка поменял заказ, а если у кого-то плохая память, то не надо идти в официанты.

– Прекратите! – закричал официант.

Он сказал папе, что тот сам не знает, чего хочет, что когда мама заказывает блюда, то думает, что ей принесут что-то другое, что я невыносимый ребёнок и что мы задираем посетителей. Папа сказал официанту:

– Ну что ж, вы сами напросились; позовите хозяина!

Официант сказал: «Хорошо!», а потом позвал: «Папа!», и мой папа удивился.

Пришёл хозяин и спросил, чего мы хотели, и папа сказал, что мы хотим пожаловаться на официанта.

– Так, сын, – сказал хозяин, – что за проблемы?

– Помимо всего, – сказал папа, – у него плохая память, вот что за проблемы у вашего сына!

– А ваш рябчик оказался курицей, – сказала мама.

– А ещё он уходит на кухню, чтобы превратить яйца в анчоусы и вытащить кролика из шляпы, это жульничество! – сказал я.

– А паштет от шефа! – сказал папа. – Хотел бы я знать, что за дрянь туда напихали?

– Это легко узнать, – ответил хозяин. – Шеф-повар – мой брат, раньше он был боксёром, а потом взял на себя заботу о моей кухне.

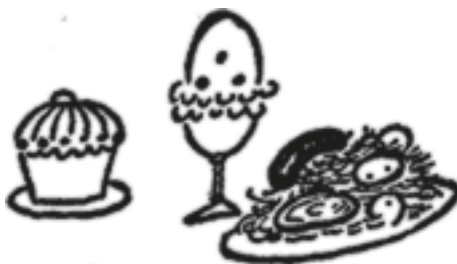
– Ну, если вы выбрали такой тон, – сказал папа, – принесите счёт! В этой психушке я не останусь больше ни минуты!

Официант принёс счёт и сказал папе:

– Вы столько говорили о моей памяти, что держу пари: вы забыли свой бумажник!

Папа засмеялся и достал из пиджака свой бумажник.

Смеяться он перестал, когда открыл бумажник и увидел, что забыл дома деньги.

Сюрприз!

В воскресенье шёл дождь. Мы остались дома, мама испекла яблочный пирог. Я играл с папой в шашки и три раза выиграл. Это было класно, классно, классно!

А потом позвонили в дверь, и папа пошёл открывать. Это была тётя Матильда с дядей Казимиром и моим кузеном Элуа.

– Сюрприз! – закричала тётя Матильда. – Мы решили, что в такую погоду вы сидите дома и будет приятно зайти к вам на чай. Верно, Казимир?

– Да, – сказал дядя Казимир.

Папа так и стоял с открытым ртом, а мама, которая прибежала с кухни, сказала, что это отличная идея, что мы очень рады их видеть, но что они должны нас извинить, ведь мы никого не ждали и не одеты для гостей.

– Ну какие же мы гости! – сказала тётя Матильда. – Это просто сюрприз! Из-за нас не стоит переживать! Как говорит Казимир, среди своих чего стесняться... О, Николя, как ты вырос! Иди сюда, дай-ка я тебя обниму!

Я подошёл, и тётя Матильда обняла меня, я обнял дядю Казимира и сказал «Привет!» Элуа – он немного старше, чем я, и часто меня раздражает.

– Ну что ж, – сказала мама, – садитесь с нами за стол.

– Как говорится, что Бог послал, – сказала тётя Матильда, – нам ничего особенного не надо: пиалу горячего шоколада Элуа, чашку кофе Казимиру, а мне немного чая с лимоном. В общем, не важно что. Давай мы с тобой пойдём на кухню, а мужчины пусть пока поболтают... Знаешь, ты прекрасно выглядишь, хоть и пополнела, тебе идёт, но с этим надо поосторожней.

И тётя Матильда с мамой ушли.

– Садитесь, Казимир, – сказал папа.

– Спасибо, – сказал дядя Казимир.

– Как дела? – спросил папа.

– Пфф! – сказал дядя Казимир.

Папа вздохнул, поглядел на дядю Казимира и сказал:

– Ну так, ну так...

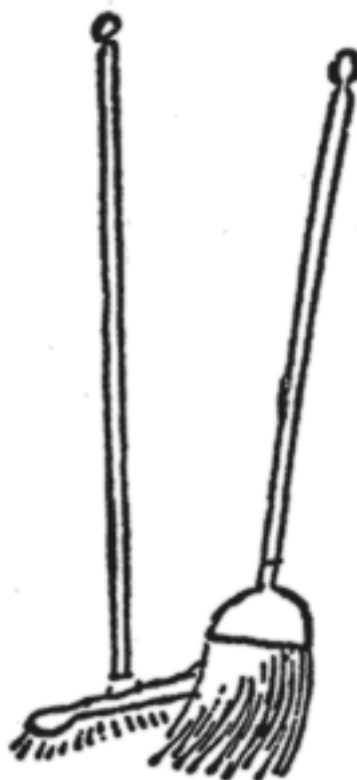
– А мне что делать? – спросил Элуа.

– Ну, – сказал папа, – можешь подняться с Николя в его комнату и поиграть с ним в игрушки.

– Я не хочу в комнату Николя, – сказал Элуа, – я хочу играть здесь!

– Ты в шашки играешь? – спросил я.

- Нет, это девчачья игра! – ответил Элуа.
- А вот и нет, – ответил я, – это классная игра, и спорим, я у тебя выиграю!
- Да ну! А мы в школе прошли деление, – сказал Элуа.
- Подумаешь, – сказал я, – мы уже давно прошли деление, и даже с запятыми.
- А так ты умеешь? – спросил Элуа и перекувырнулся на ковре, но задел ногами журнальный столик, и пепельница опрокинулась на папины тапочки, и папа сказал: «Ой!»
- Прибежала тётя Матильда.
- Элуа, это ты опрокинул пепельницу? – спросила она.
- Да, это он, – сказал папа.
- Поаккуратней, Элуа, – сказала тётя Матильда, – а то отец будет ругаться.
- Потом пришла мама с подносом и сказала:
- За стол! Сладкое готово!
- Беда в том, что пирог был небольшой и, когда папа разрезал его на шесть частей, куски оказались совсем маленькими.
- Я не буду, – сказала мама.
- Выглядит аппетитно, – сказала тётя Матильда. – Ты неправа, от этого ты вряд ли ещё потолстеешь.
- Все съели по куску, только мама не стала, и один кусок остался.
- Я ещё хочу, – сказал Элуа.
- Тётя Матильда сказала ему, что просить лишнего не принято, но если он обещает хорошо себя вести, то может рассчитывать на добавку, и разрежала последний кусок пополам – Элуа и мне.
- После чая мы пошли в гостиную, и мама сказала, чтобы мы с Элуа шли в мою комнату.
- Я же сказал, что не хочу наверх! – закричал Элуа. – Я хочу здесь!
- Ну и характер! – сказала тётя Матильда и подняла глаза к потолку. – Я всегда говорю Казимиру: он вылитый ты, что тут поделаешь!
- Потом тётя Матильда попросила папу не курить, потому что от дыма она кашляет.
- Во что будем играть? – спросил меня Элуа.
- Не знаю, – ответил я, – можно в карты.
- Нет, – сказал Элуа, – у меня идея получше! Давай играть в салочки. Ты водишь!
- Элуа побежал и прыгнул на диван.
- Диван! – закричала мама.
- Эти дети, – сказала тётя Матильда, – просто кошмар! Вы не можете поспокойнее?
- Ну чего вы, – сказал Элуа, – мы же играем. Чего вы?

– Хотя бы разуйся, перед тем как прыгать на мебель, мой дорогой, – сказала тётя Матильда, – и будь осторожней, а то что-нибудь опрокинешь.

И тут – бац! – Элуа заигрался и опрокинул лампу с красным абажуром.

– Так, – сказала тётя Матильда, – я что говорила?

Папа поднял лампу – абажур у неё был смят – и велел мне сходить за книжками, чтобы мы с Элуа их полистали. Я поднялся к себе в комнату, а когда вернулся, тётя Матильда рассказывала маме всякие истории – что надо делать, когда толстеешь, папа сидел напротив дяди Казимира и говорил: «Ну так, ну так», а Элуа ходил на руках и кричал: «Мама, посмотри, мама!» Я стал показывать Элуа свои книги, но он сказал, что они ему не нравятся, а вот у него есть одна про краснокожих, такая классная.

– Я люблю книги про самолёты! – сказал Элуа.

Он вытянул в стороны руки и стал бегать по гостиной: «Рррынн!»

– Он у вас активный! – сказал папа.

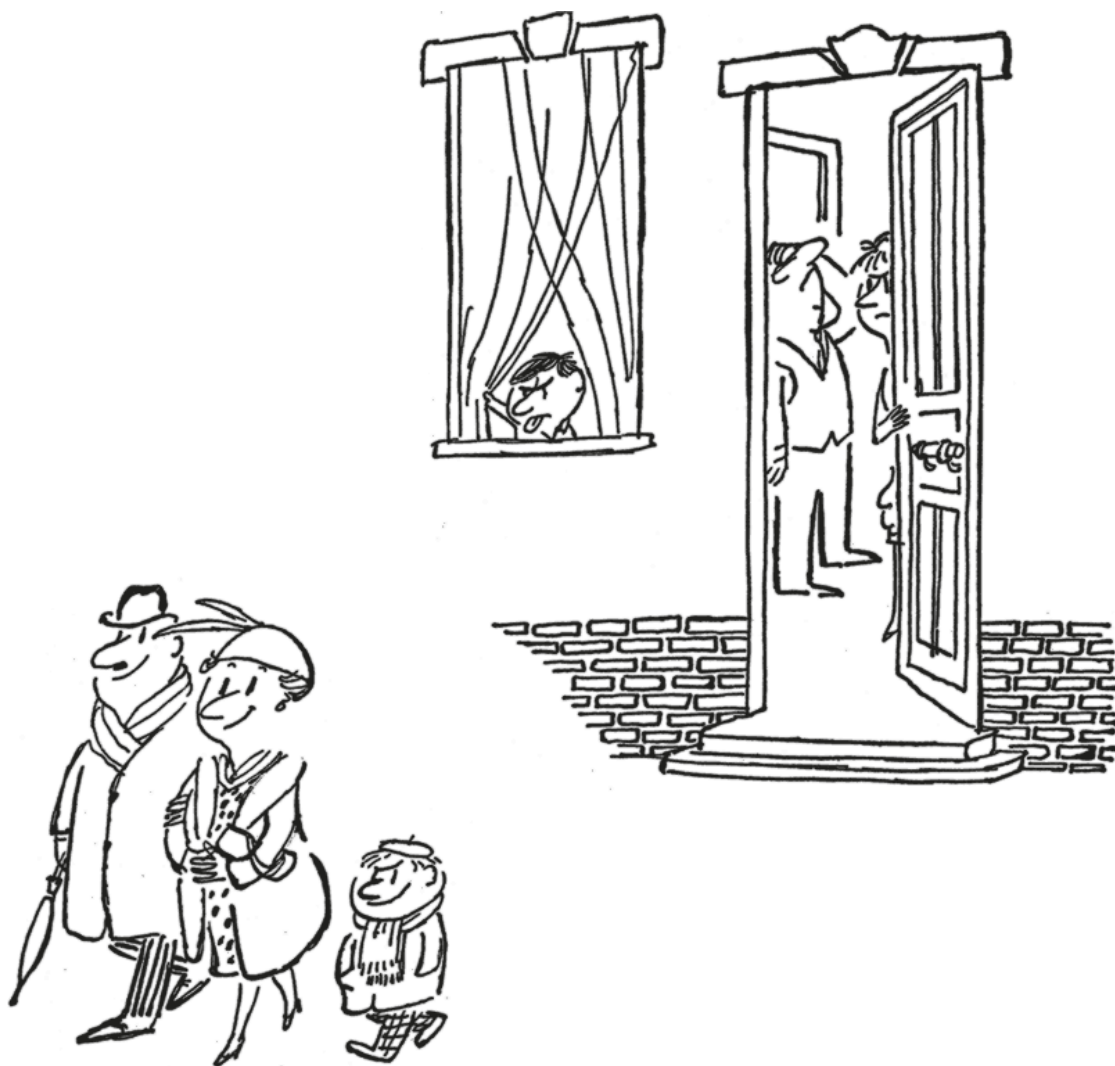
– Да уж, – ответил дядя Казимир.

– Ну что стоишь? Играй со мной, будешь врагом! – сказал мне Элуа и побежал на меня, но зацепился ногой за ковёр, упал лицом вниз и заплакал.

– Самолёты не плачут, – сказал папа.

Тётя Матильда посмотрела на папу большими глазами, посадила Элуа к себе на колени, стала его гладить и обнимать; потом она сказала, что уже поздно, что завтра в школу и всем надо вставать рано. Тётя Матильда, дядя Казимир и Элуа надели пальто, тётя Матильда сказала, что всё было чудесно и что мы тоже как-нибудь могли бы им устроить сюрприз. И они ушли.

Мама вздохнула и сказала, что пойдёт готовить ужин.

- Ну уж нет! – сказал папа. – Иди одевайся и одевай Николя. А я пойду побреюсь.
 - Мы идём в ресторан? – спросила мама.
 - Сюрприз! – сказал папа.
- И повёл нас ужинать к тёте Матильде и дяде Казимиру.

Зоопарк

Сегодня папа повёл нас, Альцеста и меня, в зоопарк. Альцест – это мой друг, тот, что толстый и всё время ест; кажется, я вам про него уже рассказывал как-то раз. Мы с Альцестом были страшно рады. А было так: мы играли в саду, и тут пришёл папа и сказал нам, что готов пожертвовать нам часть дня и отвести нас в зоопарк, чтобы посмотреть на животных. Мама тоже была в саду, и папа объяснил ей, что время от времени надо наблюдать животных вблизи и не воспринимать это как наказание. Он такой классный, мой папа!

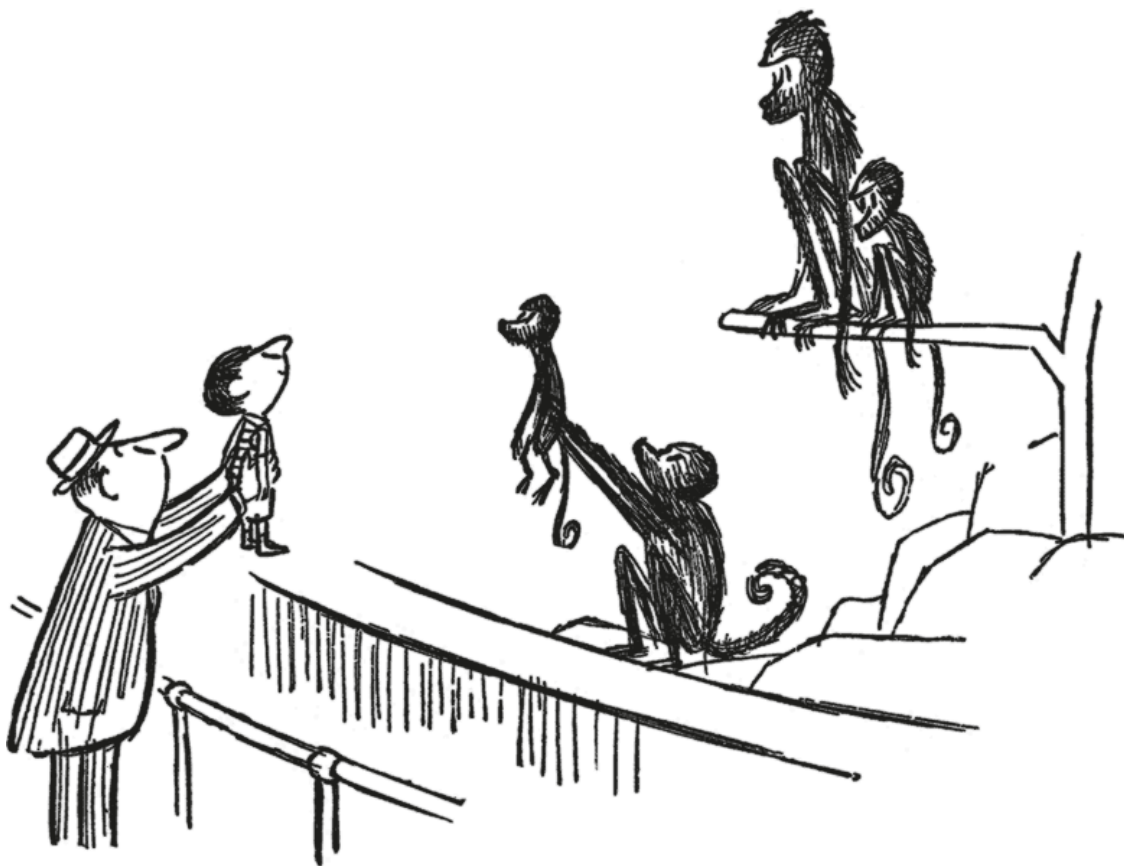
Альцест, правда, сказал, что предпочёл бы провести время в кондитерской и поесть пирожных, но, в конце концов, зоопарк – тоже ничего.

Когда мы втроём пришли в зоопарк, оказалось, что там творится какое-то безумие. Папа посоветовал нам не потеряться. У окошка мы немного поспорили, потому что Альцест требовал, чтобы папа заплатил за него как за взрослого, но папа велел ему помолчать. Я утешил Альцеста – показал, что мы платим столько же, сколько военные, а значит, нас считают солдатами. Альцесту это понравилось, и он зашагал в зоопарк, крича: «Раз, два! Лево́й!» – и требуя, чтобы папа шёл в ногу.

Первым делом мы пошли к обезьянам. Обезьяны прикольные, они делают смешные штуки и похожи на многих наших знакомых. Народу было полно, и папе пришлось брать нас на руки и поднимать. Если честно, папа поднимал только меня. Альцеста он попробовал поднять, но не смог. Нам хотелось посмотреть ещё что-нибудь, но папе очень понравились обезьяны. Вдруг Альцест заметил, что люди кидают обезьянам еду, и тоже захотел. Папа купил печенье и дал Альцесту, чтобы тот кормил обезьян. Но Альцест не стал их кормить. Когда папа спросил почему, Альцест ответил, что подумал и решил, что лучше сам съест печенье, чем отдаст его каким-то незнакомым обезьянам.

Потом мы пошли смотреть на львов. Это не так уж и интересно, они всё время спят и зевают. Альцесту львы не понравились, потому что у них в клетке было полно мяса, а они не

ели. Альцест сказал, что это безобразие. Папа хотел рассказать нам кучу всего про львов, но мы его стали тянуть за руку, чтобы идти дальше.

Мы увидели чудного зверя, его зовут лама – так сказал папа, когда прочитал маленькую табличку, которая висела на сетке. Ещё он нам сказал (это тоже было на табличке), что если лама сердится, то плюётся в людей. Мы с Альцестом стали строить рожи, и оказалось, что это правда! Лама рассердилась и плюнула на папин галстук. Папе это не понравилось, к тому же пришёл сторож и стал ругаться на папу, потому что нельзя дразнить животных. Папа ответил, что он не виноват, если животные в зоопарке плохо воспитаны, и это возмутительно, что какие-то скоты плюются в людей, которые заплатили деньги, чтобы посмотреть на них. Сторож ответил, что он понимает этих животных, потому что бывают такие посетители, в которых ему тоже хотелось бы плюнуть. Папа и сторож так кричали, что люди стали собираться вокруг, чтобы послушать, и тогда сторож и мы с папой разошлись в разные стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.